

Памяти о. протоіерея Д. А. Матвѣева.

Димитрій Аполлоновичъ Матвѣевъ, скончавшійся 17-го іюня с. г. въ г. Курганѣ, пріѣхалъ въ г. Тобольскъ, когда я былъ въ 5 классѣ семинаріи. Церковная исторія, преподавателемъ которой онъ былъ назначенъ къ намъ, наука сама по себѣ крайне интересная, пріобрѣла еще большій интересъ въ его преподаваніи. Солидная эрудиція преподавателя и блестящія лекторскія способности его превратили для насъ уроки церковной исторіи въ часы отдыха и духовнаго наслажденія.

Но Димитрій Аполлоновичъ былъ для насъ не только прекраснымъ преподавателемъ, — мы видѣли въ немъ умнаго, идеально-настроеннаго, сердечнаго, доброжелательнаго и, главное, совершенно доступнаго человѣка.

По переходѣ въ 5-й классъ предъ воспитанникомъ семинаріи, который до сихъ поръ обыкновенно является и чувствуетъ себя только ученикомъ и занятъ преимущественно обычными заботами — приготовить и отвѣтить урокъ, написать сочиненіе, мысленный взоръ котораго рѣдко переступаетъ грань учебнаго года — экзамены и переходъ въ слѣдующій классъ, — предъ воспитанникомъ 5-го класса начинаютъ вставать сначала изрѣдка, а затѣмъ все чаще и чаще вопросы важнаго практическаго характера и проблемы высокаго идейнаго свойства. Что предпринять по окончаніи семинаріи? Закончить ли свое образованіе здѣсь или продолжать его въ высшемъ учебномъ заведеніи? Если продолжать, то гдѣ именно? Если кончать, то въ какомъ званіи выступать на поприще общественной жизни?.. Вотъ вопросы, которые начинаютъ неотступно тревожить семинариста, перешедшаго изъ философскихъ классовъ въ богословскіе; и это для него вопросы не одного практическаго смысла, нѣтъ: они вызываютъ новые вопросы уже чисто-идейнаго характера, вопросы о пользѣ, которую можно принести обществу въ томъ или другомъ случаѣ, о научной подготовкѣ, необходимой для самостоятельной жизни или для перехода въ высшее учебное заведеніе.

Рѣшенія этихъ и подобныхъ вопросовъ юноша ищетъ вездѣ, онъ ведетъ безконечныя пренія съ товарищами, онъ роется въ книгахъ, онъ бесѣдуетъ на эти темы съ родными и знакомыми, но не

рѣдко ни тотъ, ни другой, ни третій путь не даютъ ему желаннаго отвѣта, и онъ кончаетъ семинарію, не приходя къ опредѣленному выводу и подчиняясь въ концѣ концовъ случайнымъ обстоятельствамъ...

Подобное настроеніе переживали и мы—семинаристы въ описываемое время; и мы, какъ и всѣ, задавались этими вѣчно старыми, но и вѣчно новыми вопросами, и мы искали отвѣтовъ на нихъ у товарищей, въ книгахъ и у людей опытныхъ и пожившихъ. Но товарищи сами заняты были тѣмъ же, книги были сухи и непонятны, а отвѣты старшихъ нерѣдко звучали насмѣшкой и ироніей...

Вотъ въ этотъ-то тревожный и важный моментъ среди насъ и появился Дмитрій Аполлоновичъ.

Я далекъ отъ мысли, что другіе преподаватели не могли или не хотѣли отвѣтить на интересовавшіе насъ вопросы; наоборотъ, среди нихъ были (многіе изъ нихъ и до сихъ поръ здравствуютъ и работаютъ и съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностью вспоминаются мною) такіе, которые съ честью несли бы званіе преподавателя высшей школы и пользоваться именемъ ученаго, были люди сердечные, которые съ радостью откликнулись бы на нашъ голосъ, обращенный къ нимъ, но они были много старше насъ, мы привыкли окружать ихъ ореоломъ величія, и потому мы никогда не рѣшились бы навязываться имъ со своими вопросами, которые могли (какъ мы думали тогда) имъ показаться легкомысленными и наивными. Дмитрій же Аполлоновичъ, мы знали, появился среди насъ, самъ сойдя только что со школьной скамьи; вотъ почему мы, ободряемые добротой, а еще болѣе простотой его, приняли его какъ друга, и отношенія между нами и имъ сразу пріобрѣли характеръ товарищества: и въ классѣ, и при встрѣчахъ въ городѣ, и у него на квартирѣ мы открывали предъ нимъ свою душу, и не было момента, когда бы чувство недовѣрія къ нему хотя бы слегка коснулось насъ. Что насъ всегда подкупало и невольно влекло къ нему, такъ это его отношеніе къ намъ, какъ къ равнымъ; и мы видѣли, что это не было лицемерной внѣшностью, нѣтъ: наши тревоги были его тревогами, наши вопросы были для него также цѣнны, какъ и для насъ. Вотъ почему мы не стѣснились его, и онъ былъ близокъ намъ, какъ товарищъ, онъ замѣнялъ намъ непонятныя и сухія книги, и мы любили его, какъ самаго близкаго намъ человѣка; бесѣды съ нимъ возбуждали въ насъ желаніе работать, успокаивали наши тревоги, окрыляли насъ надеждами...

Такъ прошелъ первый годъ его учительства; мы перешли въ шестой классъ. Теперь Димитрій Аполлоновичъ сталъ для многихъ изъ насъ еще ближе и дороже. Нуждающимся онъ доставалъ заработокъ, провинившихся отстаивалъ въ засѣданіяхъ Правленія, къ слабымъ способностями былъ снисходителенъ, способныхъ и выдающихся всячески поощрялъ. Подъ вліяніемъ бесѣдъ съ нимъ, какъ священникомъ, многіе колебавшіеся рѣшили по окончаніи курса принять священный санъ; тѣ изъ насъ, которые думали продолжать образованіе, послѣ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія съ нимъ всѣхъ обстоятельствъ, начиная съ личныхъ наклонностей и кончая матеріальной стороною дѣла, окончательно выбрали для себя учебное заведеніе, куда вскорѣ и поступили.

Лично ко мнѣ Димитрій Аполлоновичъ былъ безконечно добрѣ. Я нерѣдко бывалъ у него запросто, не какъ у учителя, а какъ у добраго знакомаго, а лѣтомъ 1898 года, когда я остался въ г. Тобольскѣ, чтобы лучше подготовиться къ экзаменамъ въ духовную академію, Димитрій Аполлоновичъ увезъ меня къ себѣ на дачу, гдѣ я, окруженный заботами любезнаго хозяина и не менѣе милой хозяйки, прожилъ недѣли двѣ и пережилъ за это время столь много и столь пріятныхъ часовъ, что они никогда не изгладятся изъ моихъ воспоминаній.

Въ теченіе моего академическаго курса мы изрѣдка переписывались, и Димитрій Аполлоновичъ никогда не оставлялъ меня своими совѣтами, за которыми я иногда къ нему обращался. По окончаніи Академіи я былъ назначенъ преподавателемъ Курганскаго духовнаго училища, и въ Курганѣ мы черезъ нѣсколько лѣтъ снова встрѣтились, сначала какъ старые знакомые, а затѣмъ и сослуживцы.

Здѣсь я узналъ, что Димитрій Аполлоновичъ нисколько не измѣнился, не смотря на то, что сталъ старше и пережилъ много непріятностей. Здѣсь же я познакомился еще съ новыми симпатичными чертами этой свѣтлой личности. Онъ никогда не забывалъ своихъ учениковъ и всегда съ радостью встрѣчался съ ними; а такъ какъ онъ былъ всегда и со всѣми добрѣ, то всякій изъ его бывшихъ учениковъ, пріѣзжая въ Курганъ, считалъ своимъ долгомъ навѣстить своего бывшего учителя или инспектора, въ его домѣ встрѣчалъ самый радушный, самый любезный пріемъ, при чемъ въ этомъ радушіи

и этой любезности хозяинъ и хозяйка неизмѣнно конкурировали другъ съ другомъ.

Сдѣлавшись преподавателемъ духовнаго училища, онъ къ новымъ своимъ, маленькимъ ученикамъ былъ такъ же добръ и снисходителенъ, какъ къ прежнимъ, большимъ. Никогда ни одна жалоба на учениковъ не доходила отъ него до инспекціи, и на разу за все время службы его въ училищѣ заявленія объ увольненіи ученика не исходило отъ него; наоборотъ, когда вопросъ объ увольненіи поднимался, онъ довалъ свое согласіе только тогда, когда всѣ доводы въ пользу виновнаго бывали исчерпаны.

Какъ сослуживецъ, Дмитрій Аполлоновичъ заслуживаетъ высшей похвалы. Онъ избѣгалъ споровъ, а тѣмъ болѣе ссоръ и непріятностей. Всегда бодрый, не смотря на массу работы по приходу и хлопоты по дѣламъ различныхъ обществъ и учрежденій, онъ былъ неизмѣнно веселъ, и минуты въ его присутствіи давали отдыха болѣе, чѣмъ часы безъ него.

Эти нѣсколько бѣглыхъ штриховъ далеко не исчерпываютъ содержанія богатѣйшей личности Дмитрія Аполлоновича, и я не задался цѣлію дать полную характеристику безвременно умершаго. Я сказалъ то, что навъяно тяжелыми впечатлѣніями смерти и погребенія любимаго человѣка, а привошу эти строки какъ маленькую дань свѣтлой памяти усопшаго. Миръ праху твоему, мой дорогой, незабвенный учитель!

Н. Малковъ.